

О ДАТИРОВКЕ КОМЕДИИ Д. И. ФОНВИЗИНА «БРИГАДИР»

Вопрос о времени написания «Бригадира» Д. И. Фонвизина не однажды решался в литературоведении. Большинство дореволюционных исследователей относило создание «Бригадира» к середине 1760-х гг. (1764—1765). В работе П. Н. Беркова «К хронологии произведений Д. И. Фонвизина»¹ впервые обосновывалась датировка 1769 г. Крупнейшие исследователи творчества Д. И. Фонвизина (К. В. Пигарев, Г. П. Макогоненко и др.) приняли эту датировку.

Однако в статье В. Н. Всеволодского-Гернгросса «Когда был написан „Бригадир“?»² оспаривались доказательства и выводы П. Н. Беркова. В. Н. Всеволодский-Гернгросс настаивает на 1766 г. как дате создания «Бригадира». Он пишет: «При определении времени написания „Бригадира“ нам кажется наиболее правильным исходить из времени чтения его Екатерине, так как этот факт устанавливается наиболее точно документальными материалами, в особенности, Камер-фурьерским журналом и авторскими показаниями».³ По словам Фонвизина, чтение состоялось после бала в день празднования именин наследника Павла, т. е. 29 июня в петергофском Эрмитаже — но к какому году следует приурочить этот факт?

В. Н. Всеволодский-Гернгросс развивает свою аргументацию так: «По сведениям КФЖ за 1766 г., празднование именин наследника закончилось балом и маскарадом, продолжавшимся до 3-х часов ночи. Фонвизин, по его словам, участвовал в маскараде в розовом домино».⁴

После бала, указывает Фонвизин, Екатерина отправилась в Эрмитаж, где и состоялось чтение. О том, что оно предстоит,

¹ Берков П. Н. К хронологии произведений Фонвизина. — Науч. бюл. Ленингр. госуд. ун-та, 1946, № 13, с. 33—36.

² Всеволодский-Гернгросс В. Н. Когда был написан «Бригадир»? — Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1956, т. 15, вып. 5, с. 460—463.

³ Там же, с. 460.

⁴ Там же.

граф Г. Г. Орлов предупредил Фонвизина в «самый Петров день», т. е. в день чтения.⁵ Предупреждение Орлова Фонвизин получил в Петербурге, о чем говорится в «Чистосердечном признании»: «В самый Петров день граф прислал ко мне спросить, еду ли я в Петергоф и если еду, то взял бы с собой мою комедию „Бригадира“. Я отвечал, что исполню его повеление».⁶

О том, что Фонвизин был на балу в розовом домино, В. Н. Всеволодский-Гернгросс заключает из письма его к родным от 26 июня 1766 г. из Петергофа: «В четверг будет здесь огромный маскарад в саду, как для знатных, так и для простого народа. Я думаю, что целый город сюда будет. Посылаю в Петербург за розовою своею доминою».⁷ Из этого совершенно ясно, что в ближайшие три дня Фонвизин в Петербург не собирался.

Сравнивая «Чистосердечное признание» с письмом, нетрудно заметить, что события, описываемые в них, принадлежат к разным годам, а В. Н. Всеволодский-Гернгросс соединяет их последовательно, относя к 1766 г.

Кроме того, в 1766 г. бал закончился в 3 часа ночи.⁸ Едва ли можно было заниматься в такое время слушанием комедии. Между тем в 1769 г. бал закончился в 9 часов вечера, после чего Екатерина проследовала в Эрмитаж,⁹ где ей, вероятно, и была прочитана комедия.

Ядром доказательства В. Н. Всеволодского-Гернгросса является факт чтения комедии наследнику Павлу. Вот что известно об этом из «Чистосердечного признания»: «Дни через три (после чтения комедии Екатерине, — *Н. Г.*) положил я из Петергофа возвратиться в город, а между тем встретился в саду с графом Никитою Ивановичем Паниным, которому я никогда представлен не был, но он сам остановил меня, „Слуга покорный, — сказал мне, — поздравляю вас с успехом комедии вашей, я вас уверяю, что ныне во всем Петергофе ни о чем другом не говорят, как о комедии и о чтении вашем. Долго ли здесь останетесь?“ — спросил он меня. „Через несколько часов еду в город“, — отвечал я. „А мы завтра“, — сказал граф»¹⁰ и предложил Фонвизину прочесть Павлу по возвращении их в Петербург свою комедию. «По возвращении моем в город узнал я на другой день, что его высочество возвратился. Я немедленно пошел во дворец к графу Никите Ивановичу».¹¹

Чтение у Павла состоялось. «Его высочеству угодно было сказать мне за мое чтение весьма лестные приветствия», — вспоминает Фонвизин.

⁵ Петров день — 12 июля (29 июня по старому стилю).

⁶ Фонвизин Д. И. Собр. соч. М.; Л., 1959, т. 2, с. 97.

⁷ Там же, с. 345.

⁸ Камер-фурьерский журнал за 1766 г., с. 132. В дальнейшем сокращено: КФЖ.

⁹ КФЖ за 1769 г., с. 129.

¹⁰ Фонвизин Д. И. Собр. соч., т. 2, с. 97.

¹¹ Там же, с. 93.

В дальнейшем события разворачивались так: «„Одолжи же меня, — сказал граф, — и принеси свою комедию завтра вечером ко мне. У меня будет мое общество, и мне хочется, чтобы вы ее прочли". Я с радостью обещал сие графу, и па другой день ввечеру чтение мое имело тот же успех, что и при его высочестве. Я забыл сказать, имел дар принимать на себя лицо и говорить голосом весьма многих людей. Тогда передражшгвал я покойного Сумарокова, могу сказать, мастерски и говорил не только его голосом, но и умом, так что он бы сам не мог сказать другого, как то, что я говорил его голосом, словом сказать, вечер провели очень весело, и граф мною был чрезмерно доволен. Первое воскресенье пошел я к его высочеству и там должен был повторить то, что делал у графа ввечеру».¹²

Показания Фонвизина Всеволодский-Гернгросс оформляет в числах так: «По данным КФЖ, Павел уехал из Петергофа в Петербург 7 июля, следовательно, упомянутый разговор происходил 6 июля, Фонвизин уехал в Петербург в тот же день и назавтра, 7 июля, узнав, что наследник уже в городе, отправился к Панину; в тот же день после обеда Фонвизин читал наследнику „Бригадира", во второй раз он читал комедию наследнику в „первое воскресенье", т. е., очевидно, 9 июля». Здесь В. Н. Всеволодский-Гернгросс допускает явную ошибку. Павел возвратился из Петергофа не 7 июля, а сразу же после возвращения Екатерины, 6 июля, в четверг: «Сего же числа, пополудни в 8-м часу, его императорское высочество из Петергофа прибыть соизволил» («6 июля, четверток»)¹³. Только уточнение этой даты разрушает все дальнейшие построения В. Н. Всеволодского-Гернгросса.

Получается, что разговор с Паниным в саду в Петергофе состоялся не 6-го, а 5-го. Пятого же Фонвизин выехал в Петербург, а 6-го он читал Павлу, 7-го Панину, 8-го — опять Павлу. 8 июля должно быть «первым воскресеньем», а оказывается субботой.

июнь—июле, 1766 г.			день—июль 1769 г.		
пн	26	3	пн	29	6
вт	27	4	вт	30	7
ср	28	5	ср		1 8
чт	29	6	чт		2 9
пт	30	7	пт		3 10
со		1 8	со		4 11
вс		2 9	вс	28	5 12

Даже если бы схема В. Н. Всеволодского-Гернгросса была правильной, то и 9-е — уже не «первое воскресенье», а второе; и, наконец, 6 июля, день разговора, — это не «дни через три» после чтения. Тут уж целая неделя прошла.

Если же принять точку зрения П. Н. Беркова, то получится следующее: разговор в саду с Паниным 2 июля; на следующий

¹² Фонвизин Д. И. Собр. соч., т. 2, с. 99.

¹³ КФЖ за 1766 г., с. 139.

день (3-го) — чтение у Павла, 4-го — чтение у Панина, 5-го — опять у Павла. В эту схему как нельзя лучше укладывается в «первое воскресенье» — 5 июля, и «дни через три» — 2 июля (это как раз па третий день после чтения императрице).

Правда, в 1769 г. двор уехал из Петергофа 21 июля, а в 1766 г. — 5 июля. Но ведь мог же Павел предпринимать поездки и без Екатерины со своим воспитателем Н. И. Паниным. Тем более что отсутствие Павла в Петергофе в дни с 3 по 5 июля подтверждается Камер-фурьерским журналом: о нем не говорится там ни слова с 30 июня по 9 июля. Девятого Павел опять в Петергофе: «9 июля, четверг. Его Высочество изволил с Ея Величеством прогуливаться по саду».¹⁴

Таким образом, фундаментальный тезис, на котором В. Н. Всеволодский-Гернгросс строит все дальнейшие доказательства, оказывается несостоятельным.

Большой интерес представляют современные Фонвизину печатные отклики на «Бригадира». Новиковский «Трутень» отозвался на его появление «Извещием с Парнаса»: ¹⁵ «Здесь все в великом замешательстве: славные стихотворцы, обезображенные худыми переводами, чрезвычайно огорчились и просили Аполлона о заступлении, Мельпомена и Талия проливали слезы и казались неутешными. Великий Аполлон уверял их, что сие сделалось без его позволения и что он для рассмотрения сего дела повелрхт собрать чрезвычайный совет, а между тем показал Талии новую русскую комедию, сочиненную одним молодым писателем. Талия, прочитав оную, приняла на себя обыкновенный свой веселый вид и сказала Аполлону, что она сего автора со удовольствием признает своим законным сыном, она и записала его имя в памятную книжку в число своих любимцев».¹⁶

В июльской книжке сатирического журнала «Пустомеля» за 1770 г. было помещено без подписи фонвизинское «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке». Издатель журнала (Н. И. Новиков) разъяснял, что нет нужды раскрывать читателю имя автора, ибо оно и без того достаточно известно: «Его комедия столько по справедливости разумными и знающими людьми была похваляема, что лучшего и Молиер во Франции своим комедиям не видал приятия и не желал, но я умолчу, дабы завистников не возбудить ото сна, последним благоразумием на них наложенного».¹⁷

Печатные отклики являются еще одним веским доводом в пользу 1769 г.

Однако Всеволодский-Гернгросс утверждает: «Прежде всего заметки эти могут с равным правом относиться не только

¹⁴ КФЖ за 1769 г., с. 136.

¹⁵ Большинство исследователей считает, что в «Извещии с Парнаса» говорится именно о комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир». См., например: *Макогоненко Г. П.* Денис Фонвизин. М.; Л., 1961, с. 104.

¹⁸ Трутень, 1769, лист XVIII, 25 августа.

¹⁷ Сатирические журналы Новикова. М., 1951, с. 277.

к „Бригадиру“, но и к любой иной комедии».¹⁸ Но и он признает, что «заметка в „Пустомеле“ говорит о комедии в непосредственной связи с „Посланием к слугам“, то есть с Фонвизиным; вероятнее всего, имеется в виду «Бригадир». Тем не менее он пишет: «... нам кажется, что в сатирических журналах не все следует принимать в прямом смысле, и под молодым писателем мог иронически разуместься писатель маститый, даже сам Сумароков, как автор „Опекуна“ или „Лихоимца“».¹⁹

Разумеется, факты можно рассматривать как в прямом, так и в переносном смысле, но все-таки желательнее как можно более объективно. Зачем же Новикову понадобилось исказить факты — из желания поиронизировать над возрастом Сумарокова или над «талантом» какого-то начинающего писателя? Безусловно, инсказание Новиковым вызвано совсем другими причинами. Он слишком хорошо знал к тому времени, как относиться Екатерине II к политической сатире. Все это не идет вразрез с исторической достоверностью. Известно, что Екатерина в начале своего правления стремилась подчеркнуть, что сама, якобы не чуждая вольнолюбивых идей, покровительствует сатире. Она стремилась направить эту сатиру в нужное ей русло, причем если это не удавалось, то произведения, не угодные ей, запрещались. Подобная участь постигла, очевидно, и «Бригадира» Д. И. Фонвизина, поскольку Екатерина не могла не почувствовать, насколько пьеса Фонвизина отличалась от той сатиры, которая была ей угодна, и характерно, что одобренная императрицей в чтении, комедия не была ни напечатана, ни поставлена. Видимо, комедия была отвергнута И. П. Елагиним, который выполнял функции негласного цензора и который с 1766 г. занимал пост директора театра. Любопытен для нас тот факт, что Елагин никак не помог Фонвизину в напечатании «Бригадира». Казалось бы, комедия должна была понравиться ему: в ней развивались мотивы, поднятые в «Русском французе» Елагина, комедия блестяще решала задачу создания национального репертуара, поставленного в елагинском кружке. Более того, известно, что в августе 1769 г. Фонвизин подал в отставку и перешел на службу к Панину. Очевидно, причиной этому явилось разочарование Фонвизина в Елагине. Но переход к Н. И. Панину — это не простая перемена службы. Панин был в глазах Екатерины и ее окружения, в глазах общественности лицом, охраняющим права Павла на российский престол.

Совершив в 1762 г. переворот и захватив власть, Екатерина нарушила права Павла на престол. Н. И. Панин, бывший сначала сторонником Екатерины, в первый же день ее царствования предложил Екатерине учредить Императорский совет и быть только регентшей при малолетнем императоре Павле. Екатерина же провозгласила себя императрицей. Сын оказался сопер-

¹⁸ Всеволодский-Гернгросс В. Н. Когда был написан «Бригадир»? , с. 461.

¹⁹ Там же, с. 462.

ником матери и потому ее врагом. Между ними шла глухая, но упорная борьба, которую нельзя было скрыть. Двор Павла, где главную роль играл Н. И. Панин, противостоял екатерининскому двору. Кто сближался с Паниным, тот так или иначе становился в оппозицию к Екатерине.

Н. И. Панин, желая иметь на своей стороне человека острого ума, критически настроенного по отношению к екатерининской действительности, заменяет своего прежнего секретаря Козловского Фонвизиным — поступок очень ответственный, вызвавший даже переписку между французским послом Сабатье и министром иностранных дел Шуазелем.²⁰

Все это имело место в 1769 г. Если бы комедия была написана в 1766 г., то общественный и литературный резонанс, произведенный столь талантливым остросатирическим произведением, был бы отмечен уже тогда.

Одним из доказательств в пользу 1769 г. является и так называемое лейпцигское «Известие о некоторых русских писателях» (1768 г.), представляющее собой биографический словарь сорока двух русских писателей XVIII в. В словарь вошло и имя Фонвизина. Любопытен тот факт, что в «Известии» упоминается только «Корион» Фонвизина, а о «Бригадире» не говорится ни слова.

П. Н. Берков пишет: «Трудно предположить, что столь хорошо осведомленный автор не знал о существовании „Бригадира“, пьесы, составившей крупное явление литературно-театральной жизни 1766 г.»,²¹ на что В. Н. Всеволодский-Гернгросс возражает: «Знакомство с комедией не выходило за пределы высшего света. „Бригадир“ был „законспирирован“. Потому-то о „Бригадире“ не знал и автор Лейпцигского „Известия“ или не считал удобным писать о нем. Впрочем, если автор „Известия“ был Лукин, то он мог и умолчать о „Бригадире“ и о его успехе умышленно».²²

Доводы В. Н. Всеволодского-Гернгросса не представляются нам убедительными. Он утверждает, что автор «Известия» не знал о «Бригадире», так как не принадлежал к высшему свету.

Е. А. Динерштейн обращает внимание на слово *cavalier* — звание автора. Слово *cavalier* в XII—XIX вв. в немецком и русском языках обозначает «имеющий знак отличия или орден».²³

Из этого можно заключить, что даже если автор «Известия» и не принадлежал к высшему свету по происхождению, то во всяком случае занимал в нем видное положение по заслугам. Об этом можно судить и по обширным познаниям автора, и по завидной эрудиции, и по глубоким сведениям в драматической литературе. «Известие» печаталось в двух выпусках журнала,

²⁰ Берков П. Н. К хронологии произведений Фонвизина, с. 36.

²¹ Там же, с. 34.

²² Всеволодский-Гернгросс В. Н. Когда был написан «Бригадир»? , с. 462.

²³ Динерштейн Е. А. Лейпцигское «Известие о некоторых русских писателях» и его автор. — В кп.: Журналистика и литература, М., 1972, с. 81

за второй статьёй должно было последовать продолжение, и этим продолжением должна была быть история русского театра. Действительно, трудно предположить, что такой автор не знал о «Бригадире».

Далее, что подразумевает В. Н. Всеволодский-Гернгросс под «не считал удобным писать»? Почему бы не написать о «Бригадире», если известен внешне благоприятный отзыв императрицы Екатерины о нем? Кроме того, комедия ставилась в высшем свете, неоднократно читалась и получила признание.

Косвенным доказательством датировки «Бригадира» может еще послужить поэма Битобе «Иосиф» переведенная Фонвизинным одновременно с написанием «Бригадира». Дело в том, что известна дата выхода в свет этой поэмы — 1767 г. А комедия и поэма неоднократно упоминаются рядом: в «Чистосердечном признании» и в одном из двух писем Фонвизина к Елагипу в апреле 1769 г.: «Я время мое провожу здесь весьма полезно. . . перевел „Иосифа“, напечатал „Сиднея“, пишу стихи, дописал почти свою комедию...»²⁴

«Но нет никаких оснований полагать, что письма Фонвизина имеют в виду именно „Бригадира“, — пишет В. Н. Всеволодский-Гернгросс.

Напротив, оснований достаточно. Письма из отпуска как нельзя лучше сопоставляются с воспоминаниями в «Чистосердечном признании»: «Тогда сделал я „Бригадира“, скоро потом перевел „Иосифа“ и все сие окончил в Москве».²⁵ «Я приехал в Петербург и привез с собою „Бригадира“ и „Иосифа“».²⁶

Поскольку поэма Битобе «Иосиф» была издана впервые в 1767 г. в Париже, то и перевести ее Фонвизин мог не ранее 1767 г., а следовательно, из Москвы в Петербург перевезти лишь в 1769 г.

Однако В. Н. Всеволодский-Гернгросс такое стечение обстоятельств объясняет неточностью показаний самого Фонвизина. Исходя из выдвинутого им постулата, однажды им доказанного («Бригадир» был читан Екатерине в 1766 г., следовательно, написан до того»²⁷), не желая подвергнуть его сомнению, Всеволодский-Гернгросс все факты, не укладывающиеся в его копеечку, вынужден комментировать как неточность, неувязку: «Но так как „Бригадира“ он привез в 1766 г., то значит „Бригадира“ и „Иосифа“ он привез в разное время и в своих воспоминаниях допустил некоторую неточность. Неточность устраняется только при предположении, что Фонвизин перевел „Иосифа“ не с печатного, а с рукописного текста — факт допустимый, по, к сожалению, пока ничем не подтвержденный. В его пользу говорит лишь то, что между написанием поэмы и ее изданием прошло по неиз-

²⁴ Фонвизин Д. И. Собр. соч., т. 2, с. 400.

²⁵ Там же, с. 96.

²⁶ Там же, с. 97.

²⁷ Всеволодский-Гернгросс В. Д. Когда был написан «Бригадир»? , с. 463.

вестным причинам четыре года. Между тем, по свидетельству жены Битобе, уже перевод „Илиады“ создал ему известность. Он был окружен выдающимися писателями, его дом стал местом, где встречались известные ученые — французские и иностранные. .. „Иосиф“ тотчас после появления в свет был переведен, по словам жены Битобе, на испанский, немецкий и английский языки. Заметим, что здесь не упомянут русский перевод, то есть перевод Фонвизина. Это умолчание может быть объяснено неосведомленностью жены Битобе. Возможно, что в течение указанных четырех лет „Иосиф“, подобно многим другим произведениям того времени, мог ходить в списках, что среди посетителей собраний могли быть и русские и что один из списков мог попасть в кружок Елагина и, следовательно, в руки Фонвизина. Но доказать этого пока нельзя».²⁸

Что ж! Смелая гипотеза, но пока никем не доказанная.

П. Н. Берков в качестве одного из доводов в пользу 1769 г. приводит тот факт, что Фонвизин сообщал в «Чистосердечном признании» о своем разговоре, вскоре после чтения «Бригадира» Екатерине и знатным вельможам, с Г. Н. Тепловым о П. П. Чебышеве, йбер-прокуроре Синода: «Эта беседа, если она действительно состоялась, не могла иметь места в 1766 году, так как обер-прокурором Чебышев был назначен лишь в октябре 1768 г.».²⁹

В. Н. Всеволодский-Гернгросс пишет: «Но ведь эти воспоминания («Чистосердечное признание») относятся к концу жизни Фонвизина, когда Чебышев в представлении Фонвизина уже давно был обер-прокурором»,³⁰ т. е. Всеволодский-Гернгросс вообще отвергает довод о Чебышеве как неосновательный, да и не столько довод, сколько показания «Чистосердечного признания» в данном случае. Действительно, с этой стороны мы бессильны возразить. Известно, что «Чистосердечное признание» — «документ крайне ненадежный, пользоваться показаниями которого можно с исключительной осторожностью, лишь после тщательной сверки с другими источниками, то есть только в качестве дополнительного, а не первоначального материала».³¹

Никаких других документов, подтверждающих показания «Чистосердечного признания», нет, но нам кажется, что все-таки не стоит пренебрегать «Чистосердечным признанием» в тех условиях, в которые мы поставлены: в нашем распоряжении слишком мало каких-либо документов, определяющих время написания «Бригадира».

Дело в том, что Чебышев, вообще Синод, как бы оказываются в косвенной связи с одной из важнейших вех в мировоззрении Фонвизина. В жизни Фонвизина был целый период, когда его

²⁸ Там же.

²⁹ Берков П. Н. К хронологии произведений Фонвизина, с. 34.

³⁰ Всеволодский-Гернгросс В. Н. Когда был написан «Бригадир»? , с. 462.

³¹ Берков П. Н. О «Чистосердечном признании» Фонвизина. — Науч. бюл. ЛГУ, 1945, № 5, с. 32.

занимали мысли о бытии бога. На эти мысли его навел один эпизод. ««Mpir-S

Сразу же после чтения «Бригадира» наследнику Павлу Фонвизину «вседневно зван был обедать и читать» к разным знатным особам. Одни звали из любопытства, другие — из желания увидеть в Фонвизине единомышленника или просто обрести умного, понимающего собеседника. К числу последних относится и один граф***. «Сей граф был человек знатный по чинам, почитаемый умным человеком, по погрязший в сладострастии. Он был уже старых лет и все позволял себе, потому что ничему не верил. Сей старый грешник отвергал даже бытие высшего существа. Я поехал к нему с князем, надеясь найти в нем по крайней мере рассуждающего человека, но поведение его иное мне показало. Ему вздумалось за обедом открыть свой образ мыслей, или, лучше сказать, свое безбожие. .. Рассуждения его были софистические и безумие явное, но со всем тем поколебали душу мою». ³² Уезжая по делам службы в Царское село (еще раз напоминая, что все это происходило в июле того же года, когда состоялось чтение «Бригадира» Екатерине и Павлу), Фонвизин берет с собой русскую, французскую и немецкую библии, «чтоб было из чего почерпнуть правила веры». Тогда же и состоялась беседа Фонвизина с Г. Н. Тепловым в царском саду на темы, занимавшие Фонвизина. Теплов посоветовал Фонвизину прочесть сочинения Кларка, который логически доказывал истину бытия божьего. Прочтя, Фонвизин пожелал перевести их, но Теплов сказал, что это был бы напрасный труд. «„Намерение ваше похвально, но вы не знаете, с какими неприятностями сопряжено исполнение оно“, — возразил он и привел в пример сочинение Поповского „Опыт о человеке“, дополненное и исправленное „поповскими стихами“. „Но неужели, — спросил я, — Синод делать будет мне нарочно затруднения в намерении толь невинном?“ — „Да разве вы не знаете, кто в Синоде обер-прокурор?“ — „Не знаю“. — „Так знайте ж — Петр Петрович Чебышев.“ — сказал Григорий Николаевич». ³³

Таким образом, имя Чебышева, ровным счетом ничего не значившее в жизни Фонвизина, упоминается мимоходом, но не просто так, а в связи с одним из значительных периодов в жизни, которому сам Фонвизин придавал намеренно-подчеркнутое значение в «Чистосердечном признании».

Обосновав таким образом достоверность этих показаний «Чистосердечного признания», мы вправе считать их еще одним доказательством в пользу 1769 г. как времени написания «Бригадира».

У нас накопилось уже достаточно данных, чтобы за время создания «Бригадира» принять 1769 г. Однако наряду с фактами, подкрепляющими предположение о 1769 г., имеются факты,

³² Фонвизин Д. И. Собр. соч., т. 2, с. 100.

³³ Там же, с. 105.

этому про'гшоречашие. Остается неразъясненным «упоминание о графе Л. М. Ёфпмовском, которому Фонвизин читал комедию в 1767 г., за два года до предполагаемой мною даты»,³⁴ — пишет П. Н. Берков.

Л. М. Ефимовский, кстати сказать, фигурирует в «Чистосердечном признании» как граф***. «Сей граф был человек знатный по чинам, почитаемый умным человеком, по погрязший в сладострастии. Он был уже старых лет и все дозволил себе, потому что ничему не верил. Сои старый грешник отвергал даже бытие выпягнуго. существа»,³⁵ — писал Фонвизин. К нему он поехал с князем Ф. А. Козловским, «с неделю отдохнув» после чтения комедии знатным вельможам. Обед у Л. М. Ефимовского — очень важный эпизод для определения времени написания «Бригадира», так как Ефимовский умер в августе 1767 г.³⁶

Поскольку в «Чистосердечном признании» имя Ефимовского нигде не упоминается, отсутствует и сноска или какое-либо примечание о графе***,³⁷ то вполне логично было бы поставить вопрос о том, являются ли А. М. Ефимовский и граф*** одним и тем же лицом.

Из многочисленного количества собраний сочинений, вышедших до революции, в которых было напечатано «Чистосердечное признание», указание на Ефимовского есть только в собрании сочинений под редакцией П. А. Ефремова³⁸ и в 3-м издании «Сочинений» Фонвизина под редакцией А. И. Введенского.³⁹ В первом случае читаем: «Андр. Мих.—ский»,⁴⁰ во втором: «Этот граф, Андрей Михайлович —ский, умер в 1767 г., в чине генерал-аншефа и имел орден Св. Александра Невского».⁴¹ В советском издании «Избранных сочинений и писем» Фонвизина,⁴² в котором «Чистосердечное признание» печатается по ефремовскому собранию 1866 г., есть примечание на с. 296: «Граф*** — А. М. Ефимовский». Однако в статье «Разбор смирдинского издания сочинений Фонвизина» под графом*** подразумевается, по-видимому, П. П. Чебышев: «В числе вельмож, которым Фонвизин читал „Бригадира" был некто граф Чеб.», «Сей граф был человек зтатпый по чипам, по погрязший в сладострастии...» и т. д.⁴³

Таким образом, выясняется, что графом*** мог быть кто-нибудь другой. Но если это все-таки был Ефимовский, то остается

³⁴ Берков П. Н. К хронологии произведений Фонвизина, с. 36.

³⁵ Фонвизин Д. И. Собр. соч., т. 2, с. 100.

³⁶ Опыт исторического родословия графов Ефимовых. СПб., 1841, с. 8.

³⁷ См.: Фонвизин Д. И. Собр. соч., т. 2.

³⁸ Фонвизин Д. И. Сочинения, письма и избранные переводы/ Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1866.

³⁹ Фонвизин Д. И. Сочинения/ Под ред. А. И. Введенского. СПб., 1893.

⁴⁰ Фонвизин Д. И. Сочинения, письма и избранные переводы, с. 547.

⁴¹ Фонвизин Д. И. Сочинения/ Под ред. А. И. Введенского, с. 240.

⁴² Фонвизин Д. И. Избранные сочинения и письма. М., 1947, с. 206.

⁴³ Разбор смирдинского издания сочинений Фонвизина. — Отечественные зап., 1847, № 9, с. 27.

сделать предположение, что до 1767 г. существовала первоначальная редакция «Бршадира», о которой нам ничего не известно. Многие факты дают нам право предположить, что Фонвизин сделал свою комедию не за один присест, как это считает В. Н. Всеволодский-Гернгросс (за 29 дней московского отпуска), а работал над ней довольно продолжительное время. Возможно, что работа Фонвизина над комедией задержалась в связи с таким событием, как созыв Комиссии по составлению Нового Уложения.

Сведения о жизни и занятиях Фонвизина в 1767—1768 гг. по сохранились. Научная литература не располагает нужными фактами и обходит молчанием эти два года. Впервые этот вопрос выяснен Г. П. Макогоненко. Оказывается, Фонвизин принимал самое непосредственное участие в событиях, взволновавших всю Россию. Как известно, Фонвизин служил у Елагина и ведал делами канцелярии по приему челобитных. Характер службы заставлял его все время находиться при дворе близ императрицы. В 1767 г. Екатерина предприняла частную поездку сначала в Москву, затем по Волге. «Во время путешествия по Волге Екатерина, по ее собственным словам, приняла более 600 челобитен от народа. Эти-то челобитные и принимал Фонвизин и составлял экстракты, которые передавал Елагину для доклада императрице».⁴⁴

Таким образом, Д. И. Фонвизин был занят делами по канцелярии так, что не мог уделить времени для занятия литературой.

Путешествие по Волге длилось с конца апреля до середины июня 1767 г. Вернувшись в Москву, Екатерина II прожила там до 19 января 1768 г. 26 января она вместе с депутатами Комиссии прибыла в Петербург для продолжения работы уже в столице.

С середины 1768 г. Фонвизин, больше не веря в Екатерину как просвещенную монархиню, стал готовиться к уходу со своей придворной службы. Сдав к осени все дела, Фонвизин хочет уйти в отставку, но Елагин отговаривает его. Тогда он берет полугодовой отпуск и приблизительно с конца октября уезжает в Москву, исполненный желания писать (вернее, «дописать») комедию. О том, что Фонвизин именно дописывал свою комедию, свидетельствуют письма к Елагину из Москвы 1769 г., когда Фонвизин просил продлить отпуск: «...дописал почти свою комедию»,⁴⁵ т. е. Елагин, судя по письмам из Москвы, знал эту комедию как дописываемую.

При подобном решении вопроса объясняется еще один факт — письма Фонвизина к сестре от 23 и 24 января 1766 г., где он писал: «Не забудь моих комедий и тем докажи, что ты меня любишь».⁴⁶ Вполне возможно, что Фонвизин имел в виду

⁴⁴ Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин. М.; Л., 1961, с. 92—94.

⁴⁵ Фонвизин Д. И. Собр. соч., т. 2, с. 400.

⁴⁶ Там же, с. 339.

«Бригадира» в его первоначальном виде.⁴⁷ Ранний вариант, очевидно, был прочитан и графу Ивану Григорьевичу Чернышеву, который также не мог слышать чтение «Бригадира» в 1769 г., так как в это время находился в Англии. Граф выехал туда вместе с женой в июле 1768 г. и в Лондоне пробыл до половины 1770 г.⁴⁸

Исходя из всего сказанного, можно сделать вывод, что, вероятнее всего, «Бригадир» был написан Фонвизиним в промежутке между концом 1765 г. (письмо к сестре от 23—24 января 1766 г.) и 1767 г. (дата кончины А. М. Ефимовского). Затем работа над комедией была временно прекращена в связи с деятельностью Комиссии. Дописывал Фонвизин «Бригадира» во время московского отпуска с октября 1768 г. по апрель 1769 г. В Петербург «Бригадир» вместе с «Иосифом» был привезен в апреле-мае 1769 г., 29 июня прочитан Екатерине и т. д. Затем последовала реакция общественности на пьесу — отзывы в журналах, выход Фонвизина в отставку и поступление его на службу к Н. И. Панину. Только принятие даты окончательного написания «Бригадира» — 1769 г. — делает понятным причинно-следственную связь этих явлений.

⁴⁷ П. Н. Верков полагал, что «речь шла не о написании, а о задуманных» комедиях (*Верков П. Н. К хронологии произведений Фонвизина*, с. 37).

⁴⁸ *Алексеевский В., Чернышев И. Г. Русский биографический словарь*, СПб., 1907, с. 320-321.